

Ветхая крыша жалобно затрещала, осыпая их мелкой щепкой. Сугуру крепко сжимал ладони Харе. Мальчик совсем растерялся, его пальцы стали ледяными от волнения. Лихорадочно соображая, как выкрутиться, он выдал единственную отговорку:

— Я... я сейчас совсем не голоден.

Услышав это, мама Гето заметно растерялась. Его узкие лисьи глаза удивлённо округлились, и в них промелькнула тень разочарования. Мысли у него, правда, побежали в какую-то совершенно иную сторону:

— Вот как... Совсем невкусно, да?

Оно и понятно: проклятия — деликатес сомнительный. Из-за своей техники Сугуру постоянно приходилось заглатывать сферы с проклятыми духами, и вкус у них был просто омерзительным.

Себя он давно приучил не обращать на это внимания — то ли свyksя, то ли нарочно наказывал себя этой горечью, напоминая о сути своего пути. Но для собственного ребёнка хотелось лучшего.

Глава культа опустил взгляд на покрытые бинтами руки Харе, и сердце его болезненно сжалось.

«Раз уж мальчику нужно поглощать проклятия, чтобы восстановить силы... может, стоит их как-то приготовить?» — всерьёз задумался он.

Сугуру молча размышлял над кулинарной обработкой проклятых духов, а Харе, заметив его тяжёлое молчание, испугался, что обидел маму своим отказом.

Он приоткрыл рот, силясь выдать хоть какое-то утешение, но слова застревали в горле. Разразившись паническим «нет-нет-нет, что вы!», Харе наобум сцапал проклятие, пролетавшее мимо, и с ходу вгрызся в него зубами.

Раздался характерный хруст. Сугуру мгновенно очнулся от своих мыслей и удивлённо вскинул голову:

— Харе, стой, не нужно себя заставлять...

— Да нет же, просто аппетит разыгрался! Спасибо вам, господин Гето! — с набитым ртом отозвался красивый подросток. Он даже не разглядел, кого именно сожрал, быстро заглотил добычу и расплылся в улыбке, изо всех сил стараясь загладить неловкость. На его щеках и губах темнели пятна проклятой крови.

Мальчик обвёл рукой комнату:

— Только их тут слишком много, мне ни за что не осилить. Может, припрячете пока?

И впрямь, ради сохранности помещений Культа Древних Сказаний, душевного спокойствия адептов и чтобы ищейки из Технической школы магии не решили, будто Ночной парад сотни демонов начался прямо сегодня, проклятия стоило убрать.

Сугуру отличался редкой проницательностью. Он сразу понял, что Харе давится этой гадостью лишь ради того, чтобы поднять ему настроение. На мгновение Гето замер, а затем не выдержал и негромко рассмеялся.

Его смех звучал легко и чисто. Так он не смеялся, когда вежливо цедил слова сквозь зубы презираемым им «обезьянам» или пытался кого-то переманить на свою сторону. Это был искренний, идущий из самой глубины души смех человека, которого до глубины души тронула непосредственность собственного ребёнка.

Лисьи глаза тепло сощурились. В этой открытой улыбке сквозила и былая юношеская лёгкость, и глубокая, чисто взрослая нежность. В этот миг Сугуру был настолько красив, что от него невозможно было отвести взгляд.

* «Это наш с Сатору сын. Он такой чуткий... Как же хочется его обнять...»*

Харе на пару секунд буквально застыл, любуясь им.

«Мама улыбается просто невероятно!» — восторженно закричал внутренний голос.

И тут же прибавил: «Отец точно с ума сойдёт от такой красоты!»

Мальчик вспомнил, как в его родном мире тётушка Сёко рассказывала о прошлом. Она говорила, что после того рокового лета на втором курсе Сугуру почти перестал улыбаться. Сёко видела, что ему невыносимо тяжело, но понятия не имела, как подступиться и о чём говорить.

И только когда Сатору капризно дул губы и допытывался: «Сугуру, ну почему ты не улыбаешься?», тот неохотно, но мягко приподнимал уголки губ — лишь бы успокоить своего непутёвого друга.

Однажды Харе настойчиво расспрашивал Сёко о том, какой же была его мама Гето. Тётушка долго молчала. Она даже достала и зажгла сигарету, хотя давно уже пыталась бросить курить. Лишь когда та истлела до самого фильтра, Сёко тяжело вздохнула и с грустной, примиряющей улыбкой ответила: «Он умел улыбаться так, что мир вокруг становился светлее».

И это была чистая правда. Харе заворожённо смотрел на него снизу вверх и сам не заметил, как заулыбался в ответ. Сугуру, успокоившись, достал из широкого рукава чистый платок и, бережно придерживая подбородок мальчика, принялся стирать тёмные разводы крови с его лица.

Движения его были ласковыми, а взгляд светился неподдельной родительской теплотой.

Харе лишь во второй раз в жизни чувствовал, как кто-то заботливо умывает его. Первый раз такое случилось в далёкую эпоху Хэйан. Тогда он потерпел сокрушительное поражение, его душа превратилась в пепелище. Он лежал безвольной сломанной куклой, а Сукуна бережно подобрал его, отмыл от грязи и буквально склеил по кусочкам.

Сейчас всё ощущалось иначе, но сама эта бережность, то, как его ценили и защищали, согревала сердце точно так же.

Покраснев от смущения, Харе робко прикусил губу и тихо произнёс:

— А мне однажды снилось нечто подобное... Будто я совсем маленький, перепачкался едой, а кто-то из взрослых бережно так вытирает мне щёки платком...

— Но ведь я никогда не знал, что такое семья. Проснулся тогда и даже представить не смог, каково это на самом деле... — Он замолчал, чувствуя, как к горлу подкатывает ком.

Конечно, это был вовсе не сон. Перед отправкой сюда он тайком смотрел старые видеозаписи, оставшиеся от папы Годжо. Там маленький, чумазый Харе сидел на коленях у отца, а тот, стирая с его лица следы шоколада, ласково называл его «грязнулей». Но мальчик был тогда слишком мал, чтобы запомнить саму суть этого тепла.

* «Боже... Какими бы ни были мои родители в разных мирах, я безумно их люблю...»*

Губы Харе предательски задрожали. Из-за своей природной плаксивости он с трудом сдерживал слёзы, благословляя плотную повязку на глазах — сквозь неё мама точно не заметит его слабости.

Кружащие в воздухе проклятия бесшумно растворились, и в разбитые окна хлынул тёплый солнечный свет. Пользуясь тем, что Сугуру на миг задумался, Харе торопливо поднялся на ноги:

— Огромное спасибо, господин Гето! Мне... мне пора бежать, скоро начнутся занятия!

Он неловко одёрнул штанины и, не дожидаясь ответа, поспешил скрыться за дверью.

Едва его шаги стихли, в дверном проёме показались любопытные лица. Мигель, Лару и остальные сообщники принялись осторожно заглядывать внутрь.

Комната была пуста, проклятия исчезли, а посреди разгрома спиной к ним стоял их предводитель. Мигель со знанием дела потёр подбородок и уверенно заявил:

— Ну точно, Сугуру пришел этого сопляка из Технической школы магии!

Манами едва удержалась от того, чтобы картинно закатить глаза:

— Да что ты несёшь! Господин Гето с него пылинки сдувает. К тому же этот мальчик — вылитый Годжо. Разве у господина Гето поднялась бы рука?..

— Опа, а вот это уже интересные подробности. Мы чего-то не знаем? — тут же зацепился за её слова Лару.

Мимико и Нанако, пристроившись у самого пола, подняли глаза на взрослых и со знанием дела пояснили:

— Вы правда не в курсе? Господин Годжо — единственный и самый близкий друг господина Гето...

— Привет, Сугуру! А вот и я!

Звонкий, весёлый голос Сатору прозвучал в унисон со словами девочек. Не успели адепты и глазом моргнуть, как прямо посреди двора их тайной резиденции, ничуть не скрываясь, нарисовался сильнейший маг современности.

Сугуру, который ещё секунду назад умилялся сыновней заботе Харе, застыл на месте. Сил сердиться не было — он просто устало прижал ладонь ко лбу.

Столпившиеся у порога сообщники тут же подобрались, готовые к бою. Сильнейший маг прямо у них на пороге — шутки кончились.

Однако зашагавший в дом блондин даже бровью не повёл. Небрежно сунув руки в карманы брюк, он приветливо помахал им ладонью:

— О, народ, и вы тут! Какая встреча!

Его тон был настолько будничным, будто это они пришли к нему без приглашения, а не он ввалился на секретную базу врага.

«Чёрт возьми...» — мысленно застонала Манами, пряча лицо в ладонях. До чего же хорош! Ну разве можно врагам быть настолько привлекательными?

В своё время она согласилась пойти на службу к Гето исключительно из-за его благородной внешности. А теперь, когда эти двое стояли рядом... Картинка получалась настолько эстетичной, что перехватывало дыхание.

— Слышь, красавчик, этот вопрос вообще-то мы должны тебе задать, — подал голос Лару. — Какого чёрта ты забыл в личных покоях Сугуру?

Довольная улыбка Сатору тут же увяла. Стоило ему услышать панибратское обращение к Гето, как брови его недовольно сошлись у переносицы. «Сугуру»? С какой стати этот тип зовёт его так фамильярно?

Впрочем, раздражение тут же сменилось привычным шутливым тоном. Сатору картинно надулся и капризно протянул:

— Ну надо же, Сугуру! Ты что, так и не объяснил этим бездельникам, кто я для тебя? У нас, между прочим, уже общий ребёнок растёт!

— ЧЕ-Е-ЕГО?!

В один голос взвыли адепты культа. Мигель едва не выронил свою верёвку. Глаза у всех округлились до предела, а ошарашенные взгляды заметались между Сатору и Сугуру.

— Ребёнок?! — выдохнул Мигель.

— Вы вдвоём?! — вытаращился Лару.

— Постойте... а рожал-то кто? — озадачился Нэги.

— О господи, неужели мои фанфики стали реальностью... — прошептала Манами, сползая по косяку.

— Мы же говорили! — торжествующе переглянулись близняшки. — Это точно Харе!

Довольный произведённым эффектом Сатору бесцеремонно уселся на циновку прямо рядом с Сугуру. Пройгнорировав его потемневшее от злости лицо, он притянул Гето за плечи и звонко чмокнул в щёку.

— А-а-а! — раздался новый хоровой вопль. На долю секунды вся банда оцепенела, а затем на их лицах проступило абсолютное, священное понимание:

— Всё ясно... Рожал точно наш босс!

Сугуру лишился дара речи. «С какого это перепугу я?! Почему сразу не Сатору?!» — мысленно взвыл он.

— Господин Гето, это гениально! — восхищённо затараторил Мигель. — Если мы перетянем сильнейшего на свою сторону через постель, нам даже воевать не придётся! Чистая победа!

— Наш Сугуру лучший! — поддержал Лару.

— Какая глубина стратегии! — восхитилась Манами.

Гето почувствовал, как у него начинает дёргаться глаз. Разговор сворачивал в какие-то совсем

дикие дебри. Он молча перевёл взгляд на сияющего от самодовольства Сатору и тяжело, обречённо вздохнул:

— Да выслушайте вы меня наконец...

Спустя полчаса, когда вся банда наконец узнала правду — и про то, что Харе действительно их сын из другого времени, и про их общее трагическое будущее, где обоим суждено погибнуть, — в комнате поднялся невероятный вой.

— О-о-о-о! — рыдала Манами, утирая слёзы рукавом. — Мы не допустим этого! Слышите? Ни за что на свете!

— Именно поэтому Ночной парад сотни демонов отменяется, — устало подытожил Сугуру. — Сделайте вид, будто ничего не знаете. Мальчик не должен ни о чём догадаться.

Глядя на своих хлюпающих носами сподвижников, Гето всерьёз пожалел о собственной откровенности.

— Ну всё, сказочке конец, а теперь брысь отсюда! — Сатору замахал руками, будто прогонял назойливых мух. На его лице играла сияющая улыбка, но в голосе звенели вполне недвусмысленные собственнические нотки. — Нам с Сугуру нужно побыть наедине.

Понимая намёк, адепты потянулись к выходу, по пути засыпая Сугуру напутствиями с видом заботливых родственников невесты:

— Сугуру, берегите друг друга...

— Больше никаких ссор! Подумайте о чувствах ребёнка!

— Будьте счастливы!

Сугуру молча провожал их взглядом, чувствуя, как мелко дрожит уголок губ. Он всерьёз засомневался, не в цирковом ли училище он набрал свою паству — один чуднее другого. Сатору же, напротив, прямо-таки лучился довольством, принимая каждое пожелание как должное.

Стоило двери захлопнуться, как блондин навалился на него всем телом. Уткнувшись подбородком в плечо Сугуру, он ласково, точно дворового кота, взъерошил тёмные волосы на его затылке.

— Ну что, слышал? Тебе запрещено бросать меня. Больше никуда тебя не отпущу.

Сугуру тихо вздохнул. Позволив себе наконец расслабиться, он откинулся назад, прижимаясь к груди Сатору, и мягко коснулся губами его уха:

— Дурак ты.

Своего личного бога, которого он годами прятал в самой глубине израненного сердца, он больше скрывать не станет.

Мягко, но настойчиво Сугуру толкнул Сатору в плечи. Тот, совершенно не ожидая сопротивления, послушно повалился навзничь, растянувшись на прогретом солнцем деревянном полу.

В ярких лучах его белые волосы вспыхнули чистым золотом. Сугуру навис над ним, подхватив полы свободного буддийского одеяния, и уверенно оседлал его бёдра.

Лицо Сатору, очерченное золотистым ореолом, казалось безупречным изваянием. Сугуру потянулся к плотной повязке, скрывавшей его глаза, и медленно стянул её вниз.

Белые ресницы дрогнули, распахнувшись подобно крыльям мотылька, и перед ним открылась бездонная лазурь Шести Глаз. В этих сияющих глазах плясали смешинки, а на самом дне отражался только один силуэт — его собственный.

Сугуру на мгновение замер. В памяти вдруг всплыла их первая встреча много лет назад — залитая солнцем аллея, усыпанная розовыми лепестками сакуры. словно глупый мотылёк, летящий на пламя, он тогда без оглядки шагнул навстречу этой слепящей синеве.

С того самого дня этот человек стал для него богом. И сегодня...

— Пришло время осквернить алтарь, — прошептал Сугуру, склоняясь ниже.

Его пальцы медленно скользнули по точёной линии челюсти Сатору, спустились к шее и очертили ключицу. Почти благоговейно он расстегнул верхнюю пуговицу его рубашки.

Сатору слегка подался бёдрами навстречу, и его улыбка стала шире:

— Тогда отгадай, мой милый жрец... Во что верит само божество?

Жаркий, требовательный порыв, не терпящий возражений и сомнений. Красноречивое безмолвное признание: «Ты мой. И я возьму своё».

Тонкая ткань домашнего кимоно Сугуру задралась, обнажая сильные бёдра и упирающиеся в пол колени, на которых уже проступали розоватые пятна.

Откровенный намёк заставил его запнуться. Края его глаз подёрнулись влажной лихорадочной краской. Он хотел было что-то сказать, но Сатору резким движением перевернул его, подминая

под себя.

Горячие, требовательные поцелуи осыпали его веки, виски, опускались ниже к шее и плечам, но Сатору намеренно, дразня, обходил вниманием его губы.

— Ну так что? Есть идеи, Сугуру? — прошептал он прямо в ухо, обжигая дыханием чувствительную кожу. В его вкрадчивом, слегка охрипшем голосе сквозило непривычное доминирование, смешанное с чистым азартом.

— Сатору... — тихо выдохнул Гето, чувствуя, как сладко кружится голова, а дыхание сбивается от этой сладкой пытки.

У Сатору была расстёгнута всего одна пуговица, в то время как ворот его собственного кимоно распахнулся едва ли не до пояса. Решив, что это вопиющая несправедливость, Сугуру порывисто приподнялся, закинул голову назад и приоткрыл губы, дразняще маня розовым кончиком влажного языка, требуя полноценного, глубокого поцелуя.

<http://bllate.org/book/19043/2005285>